

ЧТЕНИЯ ГУМАНИТАРНОГО СЕМИНАРА

Каким должно быть гуманитарное издание: концепция, авторы, содержание

Игорь Ватолин — Каким быть гуманитарному альманаху, выходящему на русском языке в Латвии?

Сергей Шестовских — Гуманитарная среда Латвии и ее перспективы

19 марта 2013 года по приглашению члена попечительского Совета Гуманитарного семинара Александра Гришуленка в помещении Латгальской финансовой компании состоялся семинар на тему: «Каким должно быть гуманитарное издание: концепция, авторы, содержание». Мы публикуем, на наш взгляд, наиболее интересные фрагменты семинара с комментариями тех, кто пожелал откликнуться на состоявшееся событие.

Сергей Мазур:

Гуманитарный семинар продолжает обсуждение проблем гуманитарного издания в современном мире.

Напомним, почти два года тому назад, 12 марта 2011 года, в Международной Балтийской Академии с докладом о роли специализированного философского журнала и «журнала направления» в истории русской философской публицистики выступила ныне уже доктор филологических наук, историк журналистики из Великого Новгорода А.Л. Семенова. Есть, наверное, смысл вспомнить некоторые места из ее доклада.

«Русская публицистика традиционно тяготела к философии... Большинство журналов начала XX века, на страницах которых была представлена философская публицистика, были «журналами направления». По мнению В.Г. Короленко, «русский ежемесяч-

ник — не просто сборник статей, не складочное место иной раз совершенно противоположных мнений, не обозрение во французском смысле. К какому бы направлению он ни принадлежал, — он стремится дать некоторое идейное целое, отражающее известную систему воззрений, единую и стройную... Направление журнала определялось единством взглядов его сотрудников».

После выступления Александры Леонидовны Семеновой хотелось «примерить одежды» русских специализированных журналов начала XX века к Альманаху Гуманитарного семинара. Правильно ли было бы отнести SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS к изданиям, продолжающим традицию русских журналов направления, которые в свое время создавались единством философских взглядов их сотрудников? Очевидно, нет. Также не является Альманах и специальным изданием только одной области знания — истории, философии, литературы и проч.

В Латвии за годы независимости напечатаны, растиражированы сотни книг на русском языке. Нужно ли нашему сообществу в Латвии русское гуманитарное издание, каким оно должно быть?

Этим вопросом организаторы SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS задавались не раз.

Есть общая проблема, и есть частная инициатива интеллектуально активной группы, за девять лет работы подготовившей 31-й выпуск Альманаха «Русский мир и Латвия». Почему это делается? Из соображений ответственности русской интеллигенции перед обществом. Английский либеральный мыслитель Исая Берлин, имеющий, впрочем, отношение и к Риге, в своей статье «Обязательства художника перед обществом» феномен социальных обязательств связывал с «эффектом бумеранга». Бумеранг или рикошет — это «...интервенция западных идей в культурно отсталые страны». Возможно, Исая Берлин прав. Альманах «Русский мир и Латвия» был бы излишен в крупных и по-современному развитых российских университетских центрах. Но в Латвии русское гуманитарное образование лет так 20-25 находится в тупике. Нет ответов на самые простые вопросы — о будущем русской культуры, русского языка, русского образования в Латвии.

Социальную ответственность мы понимаем прежде всего как ответственность за свою деятельность. SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS — это место для самообразования русского сообщества в Латвии. Именно поэтому 31 мая 2013 года в рамках Дней русской культуры Гуманитарный семинар проводит Чтения, обращенные к проблеме самообразования и внеинституционального образования в Латвии. Самообразование — путь культурного самосовершенствования личности, путь от внимательного читателя, слушателя до автора Альманаха.

Также мы понимаем социальную ответственность как ответственность перед обществом. Нужно назвать несколько задач, которые уже девять лет реализуются в Альманахе «Русский мир и Латвия».

Одна из задач связана с проведением неотложных исследований по русской культуре, образованию, языку в Латвии. Назовем лишь несколько из них. К ним, безусловно, относится публикация архива архиепископа Иоанна Поммера доктором филологии Юрием Львовичем Сидяковым. Также восстановление наследия русского фольклориста Бориса Федоровича Инфантьева. В 8-м и 9-м номерах Альманаха — исследование о ситуации с русским языком в Латвии. В 11-м номере — публицистическое исследование о русской культуре вне метрополии. 21-й номер посвящен проблеме русской интеллигенции. 23-й номер Альманаха — о проблемах перевода в диалоге социокультурных парадигм. С 26-го номера открывается дискуссия о месте писателя в современном обществе.

Еще нужно отметить одну линию деятельности, которую настоятельно требовал развивать в Альманахе Борис Федорович Инфантьев. Речь идет о теме «Русско-латышские культурные связи». Это ключевая задача для русской интеллигенции в Латвии.

4 февраля 2011 года в Москве, в Доме Русского Зарубежья имени А.И. Солженицына состоялся семинар на тему: «Интерес читающей публики к культурно-исторической проблематике Латвии». От презентации нашего издания в Доме Русского Зарубежья в Москве мы обратились к решению еще одной очень важной задачи, связанной с тем, как представлена русская культура Латвии в России. Увидевшая свет к тому времени монография ректора РГГУ Е.И. Пивовара «Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии» в значительной степени искажает культурную, историческую картину жизни русского сообщества в Латвии.

Другая задача вытекает из необходимости на страницах Альманаха отражать то, что востребовано нашим сообществом. Так, на одном из культурных мероприятий наш коллега по Совету Гуманитарного семинара, библиофил Анатолий Тихонович Ракитянский обратился к редколлегии с просьбой открыть в Альманахе рубрику «Критико-библиографический раздел». Благодаря поддержке и консультации со стороны историка Бориса Анатольевича Равдина в 31-м номере Альманаха возобновлена работа «Критико-библиографического раздела».

Дорогие коллеги, редколлегия Альманаха пригласила вас на сегодняшнюю встречу, чтобы услышать от вас, каким должно быть русское гуманитарное издание в Латвии.

Отвечая на этот вопрос, *Игорь Ватолин* отметил, что в современном мире единственным условием обеспечения глобального интереса к тому или иному изданию является его гиперместечковость. Локализация как обратная сторона глобализации. В этом смысле альманах может состояться настолько, насколько отражает микропроцессы конкретного интеллектуального сообщества. Нет сообщества — нет альманаха. Есть сообщество — предмет мысли может стать как «высокая», так и любая «низкая» тема. Краеведение может не менее захватывать, чем Гомер с «тугими парусами». Тут возникает вопрос об условиях существования сообщества, возможности мышления. Исключительно в ситуации сложноорганизованной коммуникации с неременной проблематизацией, то есть регулярного тематического семинара, плоды

которого — стержень альманаха? Или достаточно исследовательских навыков и тематического самоопределения отдельных ярких участников аморфной компании? Или персональной интроспекции при элементарных способностях к литературному изложению? Представляется, что в случае зигзага удачи — малейшего проблеска мышления — успех издания, свидетельствующего о чуде, обеспечен. Чем интимнее и подробнее отчет, тем больше шансов на глобальный успех. В конце концов, Сократ беседовал не с небожителями, а с наличным юношеством. Местечкового Афинского полиса.

Андрей Петров считает, что термин «местечковость» неудачный. Нужно, прежде всего, говорить об авторах, а их очень мало для гуманитарного издания. Нужно искать авторов в России, за пределами Латвии. «У нас от силы десять авторов, всех мы знаем в лицо», — сказал А. Петров.

Сергей Цоя считает необходимым расширить темы для исследований. Так, историкам не стоит заикливаться на сюжетах 20—30-х гг. XX века.

История русской общественной и культурной жизни этого времени в Латвии уже и так относительно неплохо изучена. Стоит обратить внимание и на другие исторические эпохи. Например, крайне скудны познания историков о начале XX века. А ведь уже тогда в Прибалтийских губерниях издавались русские газеты, работали общественные и образовательные учреждения.

Мирослав Митрофанов полагает, что должна присутствовать в гуманитарном издании некая сверхидея. 20 лет назад, далее отметил он в своем выступлении, — «когда я жил и работал в Даугавпилсе, тогда мы примерно такими же силами создали местный клуб русской интеллигенции, который назывался «Аз есмь». Это была заявка, что мы существуем вопреки всему, вопреки тому, что нас не признает государство. Открываешь официальную газету «Диена» и оказывается, ты живешь в какой-то другой стране: о русских в ней или ничего не пишут, или очень мало и плохо. Под этим мотивом «Аз есмь» в Даугавпилсе прошло 20 лет общественной жизни, мы доказывали себе — мы есть. Спустя некоторое время данная доминанта сама себя исчерпала.

Почему гуманитарный семинар носит такое название? Противопоставляет себя техническим дисциплинам? В Латвии уже давно исчезли технические журналы. Гуманитарный семинар существует, так как в Латвии есть преподаватели гуманитарных дисциплин?

Вряд ли это так. Понятие «гуманитарный» имеет смысл, так как сегодня востребована гуманизм. Гуманизма 25 лет назад в Латвии, несмотря на ограничение свободы слова, свободы передвижения, было значительно больше, чем сегодня. Сейчас произошла деградация общественного сознания. Какая сегодня преобладает доминанта? Надо быть хищным, жестким».

Юрий Касянич отметил, что необходимо расширить читательскую аудиторию. Ему представляется, что ко всем текстам приложим термин «история». Необходимо отражать элементы нынешней жизни. «Прежде всего, следует дозировать объем исторических материалов, — отметил Юрий Касянич, — то есть в тех номерах, которые я читал или просматривал, маловато материалов, которые обращены в современность. И даже если идет интервью, оно зачастую касается прошлого: начала века, войны, или начала «неаткарибы»... Мне кажется, нужно взять за правило — просить авторов исторических материалов сделать некое резюме, где обязательно должна присутствовать адресация материала в сегодняшний день, в современность. Иначе получается, что публикация имеет весьма отвлеченный, скорее академический смысл, без выхода в реальность. И это, разумеется — потеря читателя...»

Комментарий *Сергея Мазура* — О читателях:

Вслед за знаменитой фразой Р. Барта «рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» зададимся вопросом, где искать читателя издателям современного гуманитарного журнала? В антитезе автора читателю? В концепциях школы рецептивной эстетики? В определениях Философского словаря: «Читатель — адресат текста, т.е. субъект восприятия его семантики; субъект чтения»? В социологических исследованиях, анализирующих результаты продажи литературы?

Какой читатель нам нужен? Идеальный читатель Дж. Джойса? Реальный, образцовый читатель... Потерять читателя, ведь не одно и то же, что потерять бойца на поле боя?

В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

(Е. А. Баратынский, «Мой дар убог,
и голос мой не громок...»)

Мы можем оказаться и увязнуть в глубинах абстракций теоретиков чтения, только лишь указав на предмет нашего ин-

тереса — на читателя. Мне не известно, что такое читатель. Но я знаю, что читатель у Альманаха есть. Ведь небольшой тираж, с таким трудом подготовленный и напечатанный в рижской типографии «Printstils», с огромной скоростью исчезает в течение первой же недели жизни Альманаха.

Поэтому хотелось бы ограничиться замечанием, высказанным в одном из интервью Альманаху «Русский мир и Латвия» докторантом Ph.D. факультета антропологии Калифорнийского университета в Беркли Александром Беляевым. Суть замечания американского исследователя в том, что русское сообщество в Латвии не знает, не понимает самого себя. По мнению Александра Беляева, непонимание — часть более общей проблемы, согласно которой «современный мир характеризует принцип отчужденности от чувства общности».

Павел Тюрин полагает, что не местечковость должна определять линию развития Альманаха, а конкретность в изложении тем и материалов. Гуманитарное издание должно выделять его философичность.

Алексей Романов как идеал гуманитарного издания в Латвии назвал журнал «Rīgas Laiks».

Александр Мальцев полагает, что нельзя сравнивать коммерческие и некоммерческие издания. Коммерческое издание «Rīgas Laiks» как проект не сохраняет принцип гуманитарности. Как журнал несет в себе принцип элитарного сборника. В каких-то чертах он повторяет опыт некоторых изданий советской Латвии, которые предоставляли «свободную» трибуну для российских интеллектуалов. Также А. Мальцев подчеркнул важность периодичности для гуманитарного издания в Латвии.

Виктор Авотиньш: «Здесь по теме нужно, очевидно, говорить об идеальном и реальном. Сначала о реальном. Вот оно лежит (показывает Альманах) и существует уже некоторое время. Реально еще и то, что наш гуманитарный мыслительный пейзаж, по моему, напоминает Аральское море. Море вроде бы есть, а небо отражается лишь в отдельных лужах. Поэтому, если существуют в Латвии думающие люди, им должно быть доступно публичное выражение. Здорово то, что 10-15 человек может вокруг этой трибуны несколько лет собираться и с постоянством осуществлять свои замыслы. При общей пустоте, я думаю, это положительный аспект, и не надо кокетничать и принижать свой здоровый эгоизм и свое здоровое самомнение. Это

как раз есть выход и вытеснение той пустоты, с которой надо как-то бороться. Поэтому я считаю, что до сих пор Альманах выполняет расширительную функцию нормального мышления. Не знаю, чем обладают создатели Альманаха, но первый вопрос: в каких отношениях находятся предложение и спрос на материалы издания. То есть насколько толстым является портфель резервов. Не думаю, что он может быть очень толстым, разносторонним, исходя из того Аральского моря, которое здесь есть.

Насколько ситуацию можно поправить каким-то внешним поиском? Мне не хотелось бы, чтобы эта группа в этих поисках шла наперекор своим собственным гуманитарным установкам. Это уже будет обслуживание, а не мышление. Да, должны быть конфронтационные идеи. Но они должны существовать на уровне взаимного и равного мыслительного сотрудничества.

Я хотел бы от Альманаха стабильной периодичности — квартальная или полугодовая. Не знаю, может быть это утопия. Но тогда, при стабильной периодичности издания можно для публики более явно систематизировать тематику Альманаха. Леон Бриедис издавал «Кентавр». Когда у него была стабильная периодичность, тогда он ввел в свой журнал простую тематическую схему: от драматизма до импрессионизма. Искал авторов со всего мира, которые какие-то тексты создавали по той теме, которую он выбрал. В этот период, когда он мог это делать, читаемость «Кентавра» увеличивалась.

А если говорить об идеальном плане, то в Латвии, кроме этого Альманаха, я даже не назову ни одного издания на элементарном аналитическом уровне.

Я бы в идеале выделил случай, когда у нас было бы три гуманитарных периодических издания, и мне без разницы, на каком языке они будут. Я видел бы философский, общественный и политический уровень, разделяя их. Потому что политику надо более системно осваивать и распознавать. И подавать публике политику уже в осмысленном виде, а не виде партийных междоусобиц.

В идеале я бы видел такое развитие гуманитарного издания в Латвии, а возможностей достижения такого идеала я не знаю. Так как нет у нас соответствующих человеческих ресурсов... Также из-за отсутствия грамотного читателя не работает культурная политика. Также как культурная политика не создает общество. Также она не создает качество потребителя на гуманитарном уровне».

Игорь Ватолин

Каким быть гуманитарному альманаху, выходящему на русском языке в Латвии?

Чем локальней, тем глобальней

Альманах может быть изданием рецензий и публикаций. В Интернете и на бумаге. Доводящим до латвийской публики происходящее в окружающем гуманитарном мире. Типа российского журнала «Пушкин» (с 1997 года) и его интернет-двойника — «Русский журнал» (russ.ru). Для латышской публики такую миссию в какой-то степени выполняет издание «Rīgas Laiks», ориентирующееся на англоязычный еженедельник эссе и рецензий «The New Yorker». Хотя ситуация современной грамотности, вмещающая всякому обязательное владение мировым английским и, соответственно, предполагающая возможность читать «The New Yorker» в оригинале (большинство статей в свободном доступе в Интернете), лишает простой перевод-пересказ с английского всякого смысла. И взыскует прибавочную стоимость — местный компонент. В этом свете тем более захватывающими и парадоксальными представляются издание «Rīgas Laiks» по-русски и попытка его распространения в России и прочем русскоязычном мире.

Перевод-пересказ происходящего во вне становится осмысленным не столько как ввод нового материала, сколько как указание на данный материал как на значимый для нас. Здесь и теперь. На русском языке. В Латвии. То же самое относится и ко всякой археологии — будь то широкие и глубокие обобщающие штудии латвийского прошлого или мобильное краеведение. Поднятие нагору того или иного «навоза истории» имеет смысл исключительно при наличии в нем «жемчужного зерна» — резонанса со «здесь и теперь». Что собственно и делает возможной интерпретацию прошлого — историческое повествование. Но тут возникает вопрос, а кто собственно эти «мы»? Для которых весь сыр-бор? Латвийские и русскоязычные (где русский один из трех языков в латвийском джентльменском лингво-комплексе, наряду с латышским и английским). Гуманитарии. То есть пребывающие в процессе мышления. Расширения способности понимания и горизонта представлений за счет особым образом построенной коммуникации. Когда недостаточно воспроизведения давно освоенного, даже глубоко родного и выстраданного. Личное понимание запускается в коммуникации, проблематизации и столкновении разнооб-

разных суждений. Его объективация в тексте нуждается в обкатке-доводке на прокатном стане обсуждения. Насколько SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS справляется с такой плавкой? По крайней мере пытается ставить задачу. Насколько интенсивной, устойчивой, резонансной выйдет коммуникация на площадке SHH, настолько успешным будет результат. И, соответственно, альманах. Как утроба, порождающая смыслы, и мясорубка, перемалывающая поступающее извне. Успех локального, местечкового семинара и живущего его продукцией и энергетикой альманаха одновременно выступает условием глобального к нему интереса. Локализация, местечковость как оборотная сторона глобализации. Чем интимнее и подробнее отчет об уникальном акте мысли и высветенных им фрагментах бытия и небытия, тем больше шансов на глобальный успех. В конце концов, Сократ беседовал не только с небожителями, но и с наличным юношеством. Местечкового Афинского полиса. Круг замыкается.

Глобально узнаваемый, гиперместечковый альманах воссияет Вифлеемской звездой на небосклоне — укажет возможный путь блуждающим, заставит сомневаться в избранном маршруте самоуверенных путешественников во времени и пространстве. Недаром изначально арабское значение «альманаха» — астрономический календарь.

Сергей Шестовских

Гуманитарная среда Латвии и ее перспективы

Сразу несколько событий культурного характера, состоявшиеся в течение последнего года, натолкнули меня на мысль, которую я попытаюсь по возможности кратко изложить.

Первым из них была крохотная, однодневная выставка в академической библиотеке им. Мисиня, приуроченная к визиту какого-то современного швейцарского литератора и посвященная культурному наследию остзейского периода. Среди нескольких скромных стеллажей мое внимание привлекла подборка дореволюционных изданий сочинений местных писателей. В тот момент я впервые поймал себя на мысли, что сам факт существования в балтийских губерниях местной, в том числе художественной литературы всепредшествующее время находился абсолютно за границами моего сознания. Восприятие дореволюционного прошлого остается у нас настолько отчужденным и деперсонифицированным, что Лифляндия и Курляндия

представляются, даже нашей гуманитарной общественности, скорее экзотикой или, по меньшей мере, «заграницей», некоей «иностраницей», ранее зачастую еще и враждебной, чуть ли не пугающей.

Вторым событием было октябрьское мероприятие в стенах школы «Эксперимент», посвященное обсуждению самых общих перспектив дальнейшего развития в нашем крае русской культуры, в частности, ее литературной составляющей. Очень сильно огрубляя разнообразие там сказанного, в ходе обсуждения были предложены и следующие возможные альтернативы: ассимиляция (включение, в том или ином виде местной русскоязычной культуры в латвийское или же российское культурное пространство) либо же своего рода «геттоизация» — возделывание, так сказать, своей изолированной делянки, как скромного и изначально периферийного, но при этом целиком самобытного зернышка в мозаике латвийского культурного ландшафта. При всей, как представляется, очевидности именно такого поля для выбора, меня не оставяло желание найти какую-нибудь лазейку, открывающую возможность для чуть более нетривиальных, даже, если угодно, дерзких векторов развития, которые бы поднимались над этой унылой плоскостью.

Здесь я бы хотел отвлечься на совершенно, казалось бы, посторонний для нас сюжет. В свое время, довольно давно, мне довелось заниматься исследованием судьбы османского культурно-исторического наследия в бывшей Югославии. Несмотря на чрезвычайную экзотичность этой темы, она, неожиданно, приобрела, на мой взгляд, в немалой степени поучительный для нас с вами характер. На начало прошлого века мусульмане Боснии воспринимались, используя категории Л. Ранке, как «неисторический народ» — то есть как этнографическая группа. Молодой еще И. Андрич не стеснялся заявлять, что босняки, в культурном плане, — не более чем недоразумение, «наследие оккупации», как бы сейчас сказали в другой стране. И правда, у мусульман на рубеже столетий все еще не было своей литературы, разве что фольклор, собранный О. Блау и отчасти русским консулом А. Ф. Гильфердингом (тем, что откроет позднее «поморские былины»). Ход боснийских просветителей был парадоксальным: они обратились к возрождению старой османской литературы. Надо сказать, что к тому времени и сама она, даже собственно в Турции, рассматривалась как отживший свое реликт. В глухой Боснии это был и вовсе давным-давно мертвый культурный пласт, чьи памятники, на никому

уже не понятном языке, были отрывочными, часто неполными, трудно датируемыми и по сути анонимными, так как имя сочинителя уже много веков никому ничего не говорило. Надо все же отметить, что за дело, помимо многочисленных местных интеллигентов, взялись и серьезные западные ученые-востоковеды, такие как Ф. Бабингер и по-прежнему все еще совершенно забытый на родине русский эмигрант А. Олесницкий, результатом археографических экспедиций которого является, в основной своей части, коллекция восточных рукописей Югославской АН. И все-таки предприятие выглядело как обреченная на фиаско авантюра: слишком уж оно выглядело академичным, слишком далеки — что тут скрывать — были древние писатели с их темными текстами от народа, от того, ещетоолько осваивающего грамоту, балканского крестьянина. И тогда местные литераторы, зачастую даже не знавшие толком османского языка, принялись «переводить» кандидатов в классики нарождающейся национальной литературы на народный язык. С точки зрения академической, то, чем занимались С. Башагич и люди его поколения, — это, в изрядной степени, была профанация, предельно вольные вариации на тему, очередной «Рубайят» Жуковского, «Восточный диван» Гете и «Персидские письма» Монтескье. Собственно говоря, эти «переводчики» и были авторами боснийской классической литературы. Но, подписываясь своим именем, они так и остались бы авторами забавных стилизаций, выступив же в амплуа «популяризаторов», им удалось невозможное — многовековая национальная боснийская литература существует! По крайней мере, в сознании подавляющей массы жителей этой балканской страны.

Все только что сказанное не составляет большого труда перенести по аналогии на наши местные реалии. С той только разницей, что лежащий у нас под ногами материал в разы, да что там — на порядки богаче тех крох, которыми располагали для своих нужд балканские культурные деятели столетием ранее. Самый поверхностный поиск в Интернете или знакомство с работой целых институтов в Германии, занятых исследованиями культуры прибалтийских немцев, даже просто визит в отдел «Леттоника» в ЛНБ — дает любому представление о масштабах той, не побоюсь громкого слова, культурной Атлантиды, скрывшейся от нас после Великой войны. То, что я говорю, ни в коей мере не следует понимать как призыв всем срочно погрузиться в антикварно-археографические изыскания. никоим образом! Я не веду речь даже

о пользе и желательности популяризации пахнувших нафталином литературных памятников этого периода. Это с одной стороны, опять же, тривиально, а с другой — это бы означало ненужное повторение, к тому же на дилетантском уровне, уже проделанной множеством ученых мужей работы. Мой тезис состоит в другом: в необходимости какого-то, наконец, позиционирования современной местной гуманитарной культуры и, в частности, русскоязычной словесности относительно этого наследия. В 1918 и последующие годы, в том числе и в период СССР, было осознанно принято решение предать «нетуземную» часть отечественной культуры забвению, или лучше сказать, игнорированию («знаю! но знать не хочу»).

И в этой связи припомню еще одно, третье мероприятие, имевшую отношение к теме всей нашей беседы — имевшая недавно быть дискуссией на филологическом факультете ЛУ, все о том же — о перспективах развития гуманитарного знания. Я очень рекомендую всем интересующимся посмотреть видео-запись этого нелюбезного обмена мнениями, которую можно найти на домашней страничке университета. Ощущение идейного тупика и упадка («куда катится мир!?!») выразили там в той или иной форме, если не ошибаюсь, все участники. На мой же взгляд, оснований для подобного пессимизма нет ни малейших. Вопреки прозвучавшему там мнению Аузиньша, что на наших глазах «гуманитарное пространство сужается», я полагаю, что именно в этой сфере мы в наше время здесь наблюдаем... феноменальный прогресс и эпохальные изменения. Собственно и предполагаемый смысл всего мероприятия состоял в необходимости осмыслить, как всего продуктивнее можно использовать открываемые технологиями возможности. Полет фантазии мог быть безграничен... а на деле все свелось к эмоциональному призыву Яунземе-Гренде «идти к истокам, в народ, в село», т. е. углубить и расширить исследование фольклора, собраться с силами и издать, наконец, готовящийся годами ...надцатый том «Дайн».

В чем я согласился бы с министром, так это в нацеленности на истоки. Вот только там, где г-жа министр и согласные с ней все собравшиеся прозревают их, их как раз нет и едва ли когда были. Ибо в любой мифологии первым же, и главным мифическим персонажем является тот самый «народ-сказитель». Эпосы, и даже «народные сказки» сочиняются в кабинете, за рабочим столом, людьми (не)закончившими гимназию. Вот там-то, в

многоязычной городской мещанской культуре балтийских губерний XIX века, боковой ветке интернационального европейского дерева, а отнюдь не в фэнтезийном мире эпоса находятся корни нашей современной культуры. Обращение, по примеру тех же балканских энтузиастов, о которых я упоминал выше, к балтийской литературе XVIII – XIX веков, ее перевод, «переваривание» (ведь удалось же интегрировать в национальный пантеон Стендера и Меркеля!), создание специального института, который бы взял на себя координирование усилий в этом направлении — это ведь, помимо всего прочего, является и самой естественной платформой для мирной и позитивной культурной интеграции расколотого общества, одна часть которого не ощущает корней в местной традиции, а у другой корни в значительной мере иллюзорные. У Латвии нет классической литературы. Но я только хочу указать на то, что есть все возможности и есть превосходнейший, на мой взгляд, материал, чтобы ее для себя (вос)создать! Притом честно. Не прибегая к подлогу и «натягиванию совы на глобус».

Последнее соображение относится и к нашему Альманеху. Мол, дескать, какое отношение мы имеем к остзейцам? В прессе периодически появляются материалы о том или ином деятеле русской культуры или истории, где обнаруживаются детали, связывающие его жизненный путь с нашим краем. И, например, наш уважаемый друг А. Романов вероятно в чем-то закономерно называет это копание в мелких событиях, едва ли не исторических анекдотах, недостойной интеллектуального издания, узостью подхода. Но, упомянув, например, о герое Отечественной войны 1812 года, жившем в Лудзенском крае, почему мы должны пренебрегать его соседями? Ведь кто они такие? Да все те же российские дворяне! Ну, ведь не германские же... Ф. Беллингаузен — для всех присутствующих, бесспорно, «наша история». А, скажем, его дед? Или правнук? А комендант взятого союзниками у Наполеона Парижа фон дер Остен-Сакен? А генералиссимус Австрийской империи, победитель Фридриха при Кунерсдорфе, Э. фон Лаудон? А... Ну и, наконец, те, о ком я веду всю мою речь, — местные литераторы!? По всем законам, божеским, юнесковским и человеческим, остзейская культура — именно наше наследие... точнее сказать — наследство, созданное, пускай не нами, но в силу обстоятельств нам (и под нашу ответственность) доставшееся. Давайте не будем изобретать велосипед, а возьмем блокнотик и почтительно «спишем слова».